

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В РАННИХ РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕДАЧА В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

А. С. АТАНЕСЯН
ЕГУ

В статье анализируются некоторые стилистические приемы, употребляемые А.П. Чеховым в ранних юмористических рассказах. Рассмотрены такие приемы, как использование в речи героев просторечий, своеобразной интонации, неправильных слов и выражений, а также способы их передачи в армянских переводах.

Ключевые слова: стилистический прием, просторечие, интонация, неправильность речи, армянский перевод.

Аветик Исаакян в своей статье «Антон Чехов» писал: «Вот уже шестьдесят лет, как Чехов силой своего гения заставляет смеяться и грустить, заставляет задуматься над проблемами бытия всю Россию и все культурное человечество.

Обаяние Чехова пережило две великие мировые войны <...> и не потускнело, не поблекло, оставаясь вечно влекущим и вдохновляющим» [1: 381].

Огромно влияние чеховского творчества на всю последующую литературу. Его произведения всегда вызывали большой интерес в кругу армянских читателей и критиков. Подтверждения бесспорного влияния Чехова на армянскую литературу мы находим в многочисленных высказываниях армянских писателей, высоко ценивших и читавших Чехова как своего учителя. Связи Чехова с армянской литературой начинают развиваться уже в конце позапрошлого века. Тогда же они становятся предметом изучения. Впервые об этих связях пишет Ю.Веселовский, известный литературовед и переводчик, в своей статье «Чехов и армянские читатели» в 1905 году. В статье критик свидетельствует о широкой популярности классика в армян-

ской среде и о его влиянии на творчество многих армянских писателей. В дальнейшем изучение связей писателя с армянской литературой и культурой продолжается и расширяется. Армянское чеховедение развивается по двум направлениям: с одной стороны, все большего расширения пропаганды творчества писателя среди армянских читателей – всестороннего изучения художественной ценности его наследия, с другой – в направлении исследования личных контактов Чехова с армянскими общественными и культурными деятелями, анализа переводов его произведений на армянский язык, постановок его пьес на армянской сцене и откликов армянской литературной критической мысли на его творчество. Все это, несомненно, является достойным вкладом в культуру нашего народа. Естественно, и в наше время продолжается работа армянских литературоведов по изучению творчества писателя, его связей с армянской литературой. Также нельзя считать исчерпанной проблему перевода чеховских произведений на армянский язык. В этой связи в данной статье нам хотелось бы остановиться на некоторых переводческих задачах, возникающих при воссоздании ранних юмористических произведений писателя на армянском языке.

Совершенство чеховских рассказов, их непринужденность, изящество рождает у читателя иллюзию беструдности их создания. В действительности, писатель напряженно вникал во все детали творческого процесса. Недаром М. Горький отмечал, что «речь его всегда облечена в удивительно красивую и <...> до наивности простую форму, и эта форма еще усиливает значение речи. Как стилист Чехов недосыгаем» [2: 29].

Несмотря на кажущуюся простоту, чеховские произведения чрезвычайно сложны для перевода, что связано с проблемой воссоздания именно этой «простоты» стиля и языка. Поэтому исключительно важной в работе переводчика является передача на языке перевода не только содержания и проблематики, но и чеховского стиля, своеобразие которого ощущается уже в раннем творчестве писателя. Рассмотрим некоторые переводческие проблемы, связанные с передачей стилистических особенностей чеховских произведений и юмористических приемов в ранних рассказах.

Язык рассказов Чехова в целом не выходит за пределы литературного, но имеет особенности, свойственные устно-разговорной его разновидности: свободный синтаксис (инверсии, широкое использование обращений, вводных и вставочных конструкций), элементы просторечной лексики и фразеологии и т.п.

Все это, естественно, должно находить свое отражение в переводе, благодаря чему в нем будет сохранена неповторимая индивидуальность

чеховского стиля.

Язык ранних рассказов Чехова изобилует элементами со сниженной стилистической окраской. Просторечия несут определенную функциональную нагрузку. Во-первых, они придают речи героев ту естественность и непринужденность, которая характерна для разговорной речи вообще. Во-вторых, немаловажную роль играют просторечия в создании юмористического эффекта. Поразительно языковое богатство чеховских рассказов. Их герои принадлежат к разным слоям общества, имеют разный социальный статус. Великолепный мастер речевой характеристики, Чехов отражает все это в речи своих героев, не теряя при этом присущего ему глубокого чувства меры. Таким образом, просторечия в некоторых случаях являются элементами социальной характеристики героя.

«Проблема просторечия, как одна из особенно сложных и в практическом, и в теоретическом отношении проблем перевода, предполагает <...> внимательный учет взаимодействия всех сторон языка, так или иначе способных отразить стилистическое своеобразие оригинала», – отмечает теоретик перевода А.В.Федоров [3: 256].

Приведем лишь некоторые примеры.

Очень часто армянские переводчики находят адекватную замену просторечному выражению, сохраняя присущую оригиналу интонацию:

1. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!..» («Хамелеон») [4: 383].

Նրա կիսահարբաց դեմքին ասես գրված լինի՝ «Ձեռիցս չես պրծնի, ւստաւիւս...» [7: 36]:

2. Было бы мне козьей ножкой... - бормочет фельдшер. – Этакая оказия! («Хирургия») [4: 375].

Ես պիտի այծոտնուկով անեի... - քրթմնջում է բուժակը: Ա՛յ քեզ օյիւն [7: 81]:

3. Плохо что-то сегодня ловится. Ничего не поймал ни я, ни эта кикимора. Сидим, сидим, и хоть бы один черт! Просто хоть караул кричи. («Дочь Альбиона») [4: 169].

Այսօր մի տեսակ անհաջող է որսը: Ոչ մի բան չենք որսացել թե՛ ես, թե՛ այս կրտսիկակը: Նստել ենք, նստել ու գոնե մի անիծված բան բռնեիմք: Թեկուզ կաշվիցդ դիրս եկ [7:18]:

В первых двух примерах непринужденность и экспрессия русских выражений сохранена в армянских переводах. В третьем случае важно было передать презрительное, издевательское отношение барина к существу «одинокому, всему и всем чужому». Это достигается переводом слова «кикимора», которое в данном случае означает именно «пугало», «чучело»,

что передано соответствующим армянским словом.

Удачно передан общий эмоциональный тон речи в следующих примерах:

1. Господин Белебухин, выходи к свиньям собачим! Что рыло наморщил?

Живо у меня, а то гляди, не ровен час, как бы в него не влетело! [4: 408].

Պարոն Բելերուխին, դու գնա շնախոզերի մոտ: Ինչու յնկար կնճորեցիր?: Ասում եմ դուրս գնա, ուրեմն և գնա: Շուտ, թե չէ, տես, խաթաղ քաշիր, չիհի թե վզակոթիդ հասնի [7: 99].

Интересно отметить, что если русское просторечие «рыло» удачно передано адекватным армянским выражением, то перевод слова «наморщил» несколько буквалистичен и не совсем верно отражает смысл оригинала.

2. «Заметил, подлец! – подумал Пустяков. – По роже вижу, что заметил! А он, мерзавец, клязунник, завтра же донесет директору!» [4: 275].

«Նկատեց, գարշելին, - մտածեց Պուստյակովը: - Մոռութից եմ տեսնում, որ նկատել է: Իսկ նա, սրիկան, բանասերու է: Հենց վաղն էլ կհայտնի դիրեկտորին» [7: 54]

К сожалению, нередко случаи, когда просторечия в переводе никак не отражаются:

1. Так ты кусаться, окаянная? – слышит вдруг Очумелов. – Ребята, не пущай ее! («Хамелеон») [4: 382].

Կծում ես, հա, նզովյալ, - հանկամծ լսում է Օչումելովը: - Տղերք, դրան բազ ջրողներ [7: 71]:

2. Чаво? («Злоумышленник») [5: 60].

Ինչ? [7: 71]:

3. Да что ты все рукой тычешь? («Налим») [5: 330].

Դե ինչ ես շարունակ ձեռքով անում [7: 71]:

4. Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Изволь вот теперь Федосью херить и в другое место писать... («Канитель») [5: 242].

Թյու, փայտի կտոր, շղկացրիր: Դե հիմի արի Ֆեդոսիային ջնջի, ուրիշ տեղ գրի... [7: 105]:

Сохранение индивидуального своеобразия произведения и верное отражение его в переводах связано с внимательным и чутким отношением к тексту оригинала, с передачей тонких нюансов стиля. Трудны в передаче интонации чеховских героев. Вот важный чиновник, начальник, Алексей Иванович Козулин из рассказа «Торжество победителя» вспоминает то время,

когда он был смиренным, ничтожным чиновником: «А прежде-то, прежде что было! А? Боже ты мой! Памяти своей не веришь. Без сапог, в рваных штанишках, со страхом и трепетом... Идешь с докладом, глядишь, а у дверей собачонка сидит. Подойдешь ты к этой собачонке да за лапочку, за лапочку. Извините, мол, что мимо прошел. С добрым утром-с! А собачонка на тебя: rrrr... Швейцар тебя локтем – толк! А ты ему: «Мелких нет, Иван Потапыч!.. Извините-с!». [4: 242].

Чехов мастерски воссоздает интонацию «страха и трепета». Это – угодничество даже перед ничтожнейшим существом, собачонкой (это подчеркивается даже суффиксом, который в данном слове несет в себе не уменьшительно-ласкательный оттенок, как это прозвучало в переводе («շիկ»), а уничижительный). Монолог чиновника напоминает о грибоедовском Молчалине, которому отец завещал кланяться и дворнику, и собаке дворника. На смиренность, подхалимство ничтожного чиновника указывают и словоерсы, которые, естественно, нельзя перенести в перевод, но функцию которых необходимо восполнить другими языковыми способами.

Посмотрим, как звучит в переводе этот отрывок:

«Իսկ առաջ, առաջ ինչ էր: Հը: Աստված իմ: Հիշողությանդ չես հավատում: Առանց սապոգների, պատրտված շավարով, ահ ու դողով... Գնում ես գեկուցում տալու, մեկ էլ տեսար՝ դռան առաջ շիկ է նստաց: Մոտենում ես այդ շիկին ու բռնում թաթիկը: Այսինքն՝ ներեցեք, որ ձեր կոխքով անցա: Բարի լույս: Իսկ շիկը վրադ գոմնում է: Շվեյցարը թևով բողբում է կողքիդ, իսկ դու թե՛ «Մանր դրամ չունեն, Իվան Պոտապիչ... Ներեցեք»: [7: 242].

В целом, конечно, интонация речи передана, хотя в переводе пропадают такие элементы, как просторечная форма «толк», звукоподражание «rrrr», словоерсы, функция которых не отражена в переводе, употребление будущего времени в значении прошедшего, что в данном случае указывает на многократность, повторяемость действия.

Другим стилистическим приемом в создании речевой характеристики образа у раннего Чехова становится еще одна особенность. Это отображение в речи героев характерных для нее «неправильностей».

Разумеется, на протяжении четверти века литературной деятельности писателя его приемы развивались, нередко претерпевали существенные изменения, а в иных случаях были на поздней стадии творчества даже противоположны тем, которые он использовал в первые годы творчества. Впоследствии Чехов отказался от приема излишне частого копирования произношения персонажей и даже осуждал это излишество. В 1892 году в письме к драматургу Е. Гославскому Чехов писал: «Мы-ста» и «шашнадцать» сильно

портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа. Эти «мыста» и «шашнадцать» производят на меня всегда впечатление *moosches volantes*, которые мешают смотреть на ясное небо. Какое-то излишнее и досадное впечатление» [6: 560-561].

Проходит время, изменяются взгляды писателя на художественное творчество, на стилистические приемы и т.д. Возможно, Чехов был слишком строг в отношении к своим ранним рассказам. На наш взгляд, погрешности в языке персонажей Чехова не оставляют «излишнего и досадного впечатления». И, как бы то ни было, они в рассказах писателя присутствуют и не обращать на них внимания переводчик не имеет права. Неправильность речи чеховских героев – это не механическое и натуралистическое копирование, а конструктивная творческая передача склада речи. В своих ранних рассказах Чехов достаточно широко использует этот прием. Устная речь героев в некоторой степени – социальная, национальная их характеристика. Передавая реалистичность речи, неправильности служат также одним из средств создания юмористического эффекта. Наряду с просторечиями они придают образам живость, естественность. Используя этот прием, Чехов подчеркивает индивидуальность своих героев, и делает это настолько мастерски, что такое коверкание не нарушает общей стилистики повествования, не создает ощущения корявости языка.

Вот характерные примеры речи мужиков из рассказа «Налим»:

1. «Хватай... - дразнит Герасим. – Командер какой нашелся» [5: 331].
2. «Ухватил бы я ... Нешто при моей комплекции можно под берегом стоять! [5: 560-561].

«Во-от, он!.. – улыбается Любим. – Оттопырь-ка пальцы, я его сичас... За зёбры...» [5: 331].

Вот речь темной, древней старухи из рассказа «Канитель»:

1. «Ну, пиши... Воина Захара... как пошел на службу в четвертом годе, так с той поры и не слышать... [5: 242].
2. «Записал? Таперя за упокой» [5: 242].

Герой рассказа «Экзамен на чин» употребляет в своей речи такие слова:

1. «Учитель географии Галкин на меня злобу имеет, и, верьте-с, я у него не выдержу сегодня экзамена...» [4: 363].
2. «Я географию Смирнова учил и, извините, неотчетливо выучил... Ганг, это которая река в Индию текет... Река эта текет

в океан...» [4: 365].

Встречаются грамматически неправильные обороты и в речи Хрюкина из рассказа «Хамелеон»:

«...я человек, который работающий...» [4: 383].

К сожалению, в армянских переводах это своеобразие речи героев переводчикам отразить не удалось. В результате оказывается, что и мужики, и барин в рассказе «Налим» говорят на одинаковом правильном языке, чего нет в оригинале. Но и нарушение синтаксического построения, и искажение формы слов могут и должны быть отражены в армянских переводах. Конечно, в подобных случаях следует отказаться от попыток дословного перевода и решать такие задачи средствами армянского языка.

Таким образом, рассмотрев некоторые проблемы, с которыми неизбежно сталкиваются в своей работе переводчики чеховской прозы на армянский язык, следует отметить, что в большинстве случаев они недостаточно смело вводят в текст просторечия, в результате чего перевод утрачивает колорит, эмоциональность и экспрессивность подлинника. Некоторые стилистические приемы писателя совершенно не отображены в переводах, в результате чего не только обедняется стилистическое богатство чеховских рассказов, но и зачастую теряется юмористическое звучание произведения. Ранняя юмористическая проза Чехова – важная составляющая часть его творчества, имеющего непреходящее значение, и тем бережнее должно быть отношение к нему армянских переводчиков, которые, несомненно, вновь и вновь будут обращаться к его произведениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаакян А.* Проза. Ер., 1975.
2. М.Горький о литературе. М., 1958.
3. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М., 1983.
4. *Чехов А.П.* Собр.соч. в 12 тт. Т. 2. М., 1957.
5. *Чехов А.П.* Собр.соч. в 12 тт. Т. 3. М., 1957.
6. *Чехов А.П.* Собр.соч. в 12 тт. Т. 11. М., 1957.
7. *Չիխով Ա.Պ.* Երկեր հինգ հատորով, Հ.1. Եր., 1960.

REFERENCES

1. *Isaakyan A.* Proza. Yerevan, 1975.
2. M.Gorkij o literature. M., 1958.
3. *Fedorov A.V.* Osnovy obshej teorii perevoda. M., 1983.
4. *Chekhov A.P.* Sobr.soch. v 12 tt. T. 2. M., 1957.

5. Chekhov A.P. Sobr.soch. v 12 tt. T. 3. M., 1957.
6. Chekhov A.P. Sobr.soch. v 12 tt. T.11. M., 1957.
7. Chekhov A.P. Erker hing hatorov. H.1. Yerevan, 1960.

**Ա. ՉԵԽՈՎԻ ՎԱԴ ՊԱՏՄՎԱԾՔՆԵՐԻ ՈՐՈՇ ՈՃԱԲԱՆԱԿԱՆ
ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ և ԴՐԱՆՑ ՎԵՐՍՏԵՂԾՈՒՄԸ ՀԱՅԵՐԵՆ
ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ**

Ա. Ս. ԱԹԱՆԵՍՅԱՆ
✉ athanesyan@mail.ru

ԵՊՀ

Հոդվածում վերլուծվում են որոշ ոճական ձևերը, որոնք օգտագործվում են Ա.Պ. Չեխովի վաղ պատմվածքներում: Դիտարկված են այնպիսի մեթոդներ, ինչպիսիք են հասարակաբանությունների կիրառումը, յուրահատուկ ինտոնացիան, հերոսների խոսքում սխալ բառերն ու արտահայտությունները, ինչպես նաև հայերեն թարգմանություններում այդ ձևերը փոխանցելու եղանակները:

Բանալի բառեր՝ ոճական ձև, հասարակաբանություն, ինտոնացիա, խոսքի անկանոնություն, հայերեն թարգմանություն:

**SOME STYLISTIC TECHNIQUES IN THE EARLY STORIES OF A.CHEKHOV
AND THEIR TRANSMISSION IN ARMENIAN TRANSLATIONS**

A. S. ATANESYAN

Yerevan State University

The article analyzes some stylistic techniques used by A.Chekhov in his early humorous stories. Techniques such as the use of vernacular language, peculiar intonation, incorrect words and expressions in the heroes' speech, as well as ways of conveying these techniques in Armenian translations are considered.

Key words: stylistic device, vernacular, intonation, irregularity of speech, Armenian translation.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 4 апреля 2023 г., подписана к печати в № 1 (116) 2023 27.06.2023.